И. Г. МАТЮШИНА

Матюшина Инна Геральдовна
доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник,
Институт высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: +7 (495) 438-28-54
E-mail: I.Matyushina@exeter.ac.uk

«Битва в Финнсбурге» и песнь скопа на пиру в «Беовульфе»

Аннотация. В статье предлагается реконструкция сюжета несохранившегося сказания о битве в Финнсбурге на основании сопоставительного анализа дошедшего до нас отрывка поэмы, состоящего из 48 строк, и эпизода из англосаксонского эпоса «Беовульф» (строки 1068–1158). Понимание эпического слова как совмещающего целый спектр значений, одновременно воспринимаемых аудиторией, позволяет предложить новое истолкование поэтической лексики, издавна вызывающей разногласия исследователей.

Отрывок поэмы, условно называемый «Битвой в Финнсбурге», дает пример наиболее древней повествовательной формы — краткой героической песни, восходящей к общегерманскому периоду и предназначенной для устного исполнения. Именно устное исполнение описывается в «Беовульфе» в сцене на пиру, во время которого певец поет песнь о Финнсбургском сражении. Помимо главной темы и нескольких общих персонажей, между уцелевшим отрывком поэмы и Финнсбургским эпизодом в «Беовульфе» не так много сходства, как принято считать. В отличие от эпизода в «Беовульфе» в отрывке «Битвы в Финнсбурге» действие продвигается благодаря речам персонажей, составляющим почти половину сохранившегося текста. Если отрывок сосредоточен на описании самой битвы, то Финнсбургский эпизод содержит краткий, насыщенный аллюзиями рассказ о ее последствиях. Весь спектр персонажей редуцирован в эпизоде до двух наиболее выдающихся героев — Хильдебург и Хенгеста. События излагаются подчеркнуто отстраненно в третьем лице, речи персонажей отсутствуют, появляются суммирующие, объяснительные, описательные предложения, литоты. Попадая в контекст книжного эпоса, краткая героическая песнь с ее динамизмом и драматичностью повествования изменяет тональность, становится более отстраненной, ретроспективной, литературной.

© И. Г. МАТЮШИНА
DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-92-119

Ключевые слова: Беовульф, Финнсбург, эпическая поэзия, героическая песнь, книжный эпос, устная традиция, устное исполнение

Рукопись фрагмента поэмы, условно названной исследователями «Битвой в Финнсбурге», не сохранилась. Текст отрывка, состоящий из 48 строк, известен только по публикации Джорджа Хикса (Linguarum Vett. Septentrionalium Thesaurus 1705 г.) [Hickes 1705: 192–193][1]. Предполагалось, что опубликованный Хиксом текст мог быть основан на одной из Ламбетских рукописей, содержащих собрание англосаксонских проповедей (Lambeth Palace MS. 487, XIII в., или Lambeth Palace MS. 489, XI в.) [Fry 1974: 1]. Публикация Хикса, вероятно, не свободна от ошибок: некоторые необычные написания, например, *Eastun* (3) или *weuna* (25), очевидно, появились благодаря прочтению графемы «а» как «u». Исследователи вносили исправления в текст сохранившегося отрывка с большей легкостью, чем в остальные англосаксонские поэмы, поэтому в настоящее время существует столько же вариантов текста поэмы, сколько ее изданий.

Конъектуры нередко вызваны стремлением издателей поэмы добиться соответствия ее метрической организации правилам регулярного аллитерационного стиха[2]. В дошедшем до нас тексте заметны нарушения канонов древнегерманского стихосложения в расстановке аллитерации. Если в классическом стихе из аллитерации исключаются личные формы глагола, то в «Битве в Финнсбурге» такая аллитерация используется на протяжении трех строк (и только в одном случае аллитерация попадает на существительное *wigend*):

> Ac on**w**acnigeað nu, / wigend mine; // **h**abbað eowre linda; / **h**icgeaþ on ellen, // **w**innað on orde, / **w**esað onmode[3].
>
> Но просыпайтесь теперь, мои воины, берите свои щиты из липы, о мужестве помышляйте, в первых рядах сражайтесь, будьте смелы духом (10–13).

Личная форма глагола (*wæs*), скорее всего, вовлекается в аллитерацию и в строке Ða **w**æs on **h**ealle / **w**æl-slihta ge**h**lyn — «Тогда был [раздавался] в палатах битвы гром» (28), хотя возможна и другая аллитерационная схема, в которой аллитерация падает на последний ударный слог в строке (***h**ealle* : *ge**h**lyn*). В обоих случаях нарушаются главные принципы метрической структуры древнегерманского стиха, согласно которым четвертый ударный слог в строке не мог включаться в аллитерацию. В другой строке (Hig **f**uhton **f**if dagas, / swa

[1] Предполагалось, что текст «Битвы в Финнсбурге» был записан не Хиксом, а его коллегой палеографом Хамфри Уэйнли [Orchard 2003: 174].

[2] В издании Хольтхаузена, например, допущено 9 конъектур метрического характера в 48 строках «Битвы в Финнсбурге» [Holthausen 1938: 104–105]. Конъектуры были отвергнуты другими издателями, например Чеймберсом, который принял только две из них (в строках 30 и 41) и Макки [Mackie 1917: 250–273].

[3] Одинарная черта означает цезуру вмежду краткими строками, двойная — цезуру между долгими строками.

hyra nan ne **f**eol — «Они бились пять дней, и ни один из них не пал», 41) аллитерация тоже или распространяется на последний четвертый ударный слог в строке, или отсутствует.

Метрически недостаточны (т. е. содержат всего один, а не два ударных слога) такие краткие строки в поэме, как Hleoþrode ða «тогда ответил» (2a), undearninga «нескрытно» (22b), которые не соответствуют ни одному из пяти типов метрической организации строк аллитерационного стиха, выделенных Эдуардом Сиверсом. Напротив, метрически избыточны (т. е. включают более двух ударных слогов) такие строки, как 'Sigeferþ is min nama' cweþ he, / 'ic eom Secgena leod' (24) — «Сигеферт мое имя, — сказал он, — я из людей сеггенов», которым трудно найти параллели в классическом стихе (формула cweþ he «сказал он», в частности, не встречается ни в одной древнеанглийской поэме, кроме «Битвы в Финнсбурге»). Если отказаться от многочисленных конъектур, предлагавшихся издателями в течение нескольких веков, то следует признать, что в оригинальном тексте поэмы были допущены многочисленные метрические отклонения от нормы аллитерационного стиха.

Трудно реконструировать и содержание сохранившегося фрагмента «Битвы в Финнсбурге», так как изображаемое в ней сражение данов и фризов не отражено ни в англосаксонской, ни в скандинавской словесности. Единственное исключение составляет эпическая поэма «Беовульф» (Codex Vitellius A. XV, fol. 156a–158b), в которой содержится песнь на сходную тему (1063–1160). Эта песнь (обычно называемая исследователями Финнсбургским эпизодом) исполняется на пиру у датского конунга Хродгара[4]. Можно было бы видеть в таком совпадении редкостную удачу, однако даже эпизод в «Беовульфе» не позволяет полностью истолковать дошедший до нас отрывок «Битвы в Финнсбурге». Повествование в обеих песнях крайне сжато и содержит отсылки на не всегда известные нам сказания. Отдельные детали до сих пор вызывают разногласия исследователей, не оставляющих, тем не менее, надежду реконструировать оригинальный текст обеих поэм.

В Финнсбургском эпизоде «Беовульфа» рассказывается о гибели при фризском дворе предводителя датской дружины Хнэфа, сына Хока, в битве со сторонниками Финна, сына Фольквальда, и о последующей мести данов. Датский конунг Хнэф со своими дружинниками явился ко двору фризского короля Финна, вероятно, для того чтобы навестить свою сестру королеву Хильдебург. Основываясь на тексте «Беовульфа», можно предположить, что брак Финна и Хильдебург был заключен для того, чтобы прекратить старую вражду, причина и обстоятельства которой неизвестны [Fry 1974: 13]. Неясно, приехал ли Хнэф к Финну как гость или с намерением вступить в его дружину. На пиру, очевидно, завязалась ссора между данами и фризами, а ночью хозяева напали на своих спящих в палатах гостей.

Здесь начинается известный нам отрывок поэмы. Его начальные слова, возможно, представляют собой последние слова вопроса «…коньки крыш ни-

[4] Внимание ученых обычно сосредоточено не столько на изучении текста Финнсбургского эпизода в сравнении с сохранившимся отрывком поэмы, носящей условное название «Битва в Финнсбурге», сколько на рассмотрении его в контексте «Беовульфа», без обсуждения которого не обходится ни одно исследование сюжета о битве в Финнсбурге (ср., например: [Williams 1924; Brodeur 1943; Moore 1976; Gwara 2008]).

когда не горят?» (hornas byrnað næfre), обращенного, вероятно, к Хнэфу одним из датских дружинников, который сообщает о появлении подозрительного света. Хнэф слышит звон оружия, видит отблески стали в лунном свете, понимает, что фризы под предводительством Финна готовятся к нападению, и предупреждает об этом своих дружинников:

> Hleoþrode ða / hearo-geong cyning. Ne ðis ne dagað eastan; / ne her draca ne fleogeð; // ne her ðisse healle / hornas ne byrnað. // Ac her forþ berað. / Fugelas singað; // gylleð græg-hama. / Guð-wudu hlynneð; // scyld scefte oncwyð. / Nu scyneð þes mona // waðol under wolcnum. / Nu arisað wea-dæda // ðe ðisne folces nið / fremman willað.
>
> Тогда ответил конунг юный в битве: «То не восток светает, не дракон здесь летит, не коньки крыш горят здесь на палатах. Но сюда наступают [враги, фризы]. Птицы кричат, стальная кольчуга звенит [или: серый волк воет]. Боевое древо гремит, щит копью отвечает. Ныне луна сияет, странствующая под облаками, ныне готовятся злые дела, которые людская ненависть жаждет совершить (2–9).

Ответ Хнэфа построен на использовании приема отрицательного параллелизма: образы, связанные со светом («восток светает», «коньки крыш горят», «луна сияет») перемежаются со звуковыми картинами («кольчуга звенит», «боевое дерево гремит», «щит копью отвечает»). Трудно не заметить необыкновенной экспрессивности употребленного здесь приема воспроизведения структуры вопроса в ответе, характерного для фольклорного стиля («…коньки крыш никогда не горят?» — «Не коньки крыш горят здесь на палатах»)[5]: в Финнсбурге светло не от солнца, встающего на востоке и озаряющего коньки крыш, но от лунных отблесков на оружии врагов.

Если в «Битве в Финнсбурге» говорится о том, что при свете луны готовятся (или совершаются) «злые, горестные дела» (wea-dæda), то в другой древнегерманской поэме — в «Песни о Хильдебранте» — рассказывается о «злой, горестной судьбе» (wewurt), которая тоже «совершается» (skihit) независимо от воли героев и ведет к убийству (49). В «Песни о Хильдебранте» используется слово *we-wurt* ‘злая судьба’, первый компонент которого тождествен начальной морфеме древнеангл. *wea-dæda* ‘злые дела’, употребленного в «Битве в Финнсбурге». Однако в отличие от древневерхненемецкой песни, в которой диалог героев преимущественно содержит сообщение фактов, в древнеанглийской поэме речь предводителя датской дружины, предрекающего гибельную для обеих сторон схватку, ни в коей мере не сводима к рассказу о событиях и в высшей степени эмоциональна.

Хнэф заключает свою речь тем, что будит датских дружинников, призывая их на бой:

---

[5] Прием воспроизведения структуры вопроса в ответе встречается и в кельтской словесности (вместе с упоминанием о «сладком меде» — swetne medo (39), за который воины отплатили предводителю своею доблестью) [Henry 1961; 1966: 216–221; Sims-Williams 1978; Rowland 1990].

> Ac onwacnigeað nu, / wigend mine; // habbað eowre linda; / hicgeaþ on ellen, // winnað on orde, / wesað onmode.
>
> Но просыпайтесь теперь, мои воины, берите свои щиты из липы, о мужестве помышляйте, в первых рядах сражайтесь, будьте смелы духом (10–13).

Почти в тех же выражениях Бёдвар Бьярки, дружинник легендарного Хрольва Жердинки, призывает своих воинов на последний бой, в котором им всем суждено погибнуть вместе с Хрольвом, в древнескандинавской «Песни о Бьярки»:

> …Вставайте, вставайте, / друзья первейшие, / Вы, достославные / товарищи Адильса, ‹…› Вы доброго рода, / Не дрогнете духом, / Вас зову не на пир, / не на встречу с подругой, / зову вас на бранные / игры валькирий[6] [Снорри Стурлусон 1980: 352].

Следует заметить, что в скандинавской песни обращение к воинам строится на использовании повторов («вставайте… вставайте… зову… зову») и антитезы («не на пир, не на встречу с подругой, ‹…› на бранные игры валькирий»). Напротив, в древнеанглийской поэме воззвание Хнэфа развернуто за счет эпической вариации и насыщено глаголами в повелительном наклонении («просыпайтесь», «берите», «помышляйте», «сражайтесь», «будьте смелы духом»), которые позволяют передать ожидание немедленных действий дружинников.

За призывом Хнэфа в поэме следует рассказ о том, как датские воины готовятся к бою в ожидании нападения врагов (Ða aras mænig goldhladen ðegn, / gyrde hine his swurde — «Тогда встали многие нагруженные золотом витязи, препоясались мечами», 13). Вооружившись, датские дружинники Сигеферт и Эаха встают у одного входа в палаты (Ða to dura eodon / drihtlice cempan, // Sigeferð and Eaha, / hyra sword getugon — «Тогда пошли к дверям знатные воины Сигеферт и Эаха, обнажили свои мечи», 14–15), а Гудлаф и Ордлаф — у другого (and æt oþrum durum / Ordlaf and Guþlaf — «у других дверей Ордлаф и Гудлаф», 16). О Сигеферте и Эахе в Финнсбургском эпизоде «Беовульфа» ничего не говорится, однако там упоминаются имена дружинников Гудлафа и Ослафа (1148), почти тождественные Гудлафу и Ордлафу из «Битвы в Финнсбурге». В «Беовульфе» Гудлаф и Ослаф горюют о трагическом исходе битвы и, возможно, подстрекают Хенгеста к мести. О Хенгесте упоминается как о соратнике Хнэфа и в «Битве в Финнсбурге»: он встает рядом с Гудлафом и Ордлафом, чтобы помочь им в случае необходимости (and Hengest sylf / hwearf him on laste — «и Хенгест сам повернул вслед за ними», 17). Употребление усилительного местоимения, сопровождающего имя собственное (Hengest sylf — «Хенгест сам»), говорит о том, что Хенгест занимал особое положение в датской дружине еще до гибели Хнэфа, и его имя, возможно, упоминалось в несохранившемся тексте поэмы, предшествующем дошедшему до нас отрывку.

[6] Пер. О. А. Смирницкой.

Действие поэмы внезапно переносится в войско фризов, где фризские воины Гарульф и Гудере выбирают время для нападения:

> Ða gyt Garulf / Guðere styrode // ðæt he swa freolic feorh / forman siþe // to ðære healle durum / hyrsta ne bære, // nu hyt niþa heard / anyman wolde; // ac he frægn ofer eal / undearninga // deor-mod hæleþ, / hwa ða duru heolde.
>
> Тогда Гудере направлял Гарульфа, чтобы тот, столь славный в жизни, в первом походе к дверям палаты, вооруженный, не рвался бы, ибо ныне закаленный в ненависти хотел ее отнять, но он [вероятно, Гарульф] спросил перед всеми, открыто, герой с отважным сердцем, кто дверь охранял (18–23).

Осторожный Гудере останавливает рвущегося в бой Гарульфа[7], напоминая ему о том, сколь славна его жизнь (swa freolic feorh). Неизвестно, почему создатель поэмы упоминает, что Гарульфа так трудно удержать от битвы, и почему при нем оказывается наставник, пытающийся его остановить. Очевидно, Гарульф принадлежал к знатному роду, возможно, предназначенному править, и его гибель была в интересах оборонявшихся. Далее упоминается, что Гарульф, отпрыск Гудлафа (именно это имя носит датский дружинник Хнэфа, 16), погиб в сече. Нельзя исключать, что отец и сын могли находиться в разных лагерях: сын (Гарульф) мог быть среди нападавших (фризов), а его отец (Гудлаф) — среди оборонявшихся (дружинников Хнэфа). Возможно, в песни использован тот же распространенный мотив битвы отца с сыном, что и в древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранде».

Действие вновь переносится в войско данов, обороняющих все входы в палаты, чтобы не дать фризам к ним проникнуть. Сигеферт, сражающийся на стороне данов, отвечает на вопрос Гарульфа:

> ‘Sigeferþ is min nama’ cweþ he, / ‘ic eom Secgena leod, // wreccea wide cuð; / fæla ic weana gebad, // heordra hilda. / Ðe is gyt her witod // swæþer ðu sylf to me / secean wylle’.
>
> «Сигеферт мое имя, — сказал он, — я из людей сеггенов, изгнанник [или: герой] широко известный; я перенес много несчастий, жестоких битв. Тебе, однако, здесь суждено любое из двух [т. е. жизнь или смерть, победа или поражение], что ты сам захочешь от меня получить» (24–27).

Предлагая врагам выбрать из двух единое, Сигеферт не обещает им пощады, но сулит поражение и смерть. Он зовет врагов на бой, и Гарульф, очевидно, вступает в битву, в которой ему суждено погибнуть.

В «Битве в Финнсбурге» Сигеферт говорит о себе, что он из людей сеггенов (Secgena leod); в другом древнеанглийском памятнике («Видсиде») упо-

[7] Предлагаемая интерпретация следует толкованию Толкиена [Tolkien 1982: 27], однако предполагалось также, что осторожным дружинником был не Гудере, но Гарульф, и именно он останавливал Гудере [Fry 1974: 33].

минается имя Сеферта (или Сэсферта), владыки сеггов или сюггов, возможно, относящееся к тому же лицу. Неизвестно, почему Сигеферт, подобно герою англосаксонских элегий, называет себя изгнанником, перенесшим много несчастий. Возможно, в поэме используется конвенциональный элегический язык, к которому прибегает в Финнсбургском эпизоде и создатель «Беовульфа», рассказывая о Хенгесте (Fundode wrecca, // gist of geardum — «Изгнанник жаждал уехать, гость из жилищ», 1137b–1138a). Не исключено также, что речь идет о прошлых странствиях героя: Сигеферт мог вступить в датскую дружину незадолго до битвы в Финнсбурге и не может рассчитывать на то, что его имя известно фризам.

Несмотря на многочисленные потери, ни один из данов, охраняющих двери, не отступает. Пять дней (в отличие от Финнсбургского эпизода в «Беовульфе», 1077, где время битвы сокращено до одной ночи) длится кровопролитная схватка:

> Đa wæs on healle / wæl-slihta gehlyn. // Sceolde celæs[8] bord / cenum on handa, // ban-helm[9] berstan. Buruh-đelu dynede, / oð æt đære guđe // Garulf gecrang, // ealra ærest / eorð-buendra, // Guđlafes sunu; / ymbe hyne godra fæla, // hwearflicra, hwær / hræfen wandrode // sweart and sealo-brun. / Swurd-leoma stod // swylce eal Finns-buruh / fyrenu wære.
>
> Тогда раздавался в палатах битвы гром. Белый [или: круглый, кожаный] щит, костей защита должен был треснуть в руках у отважного. Древо крепости звенело, пока в этой битве Гарульф не погиб, сын Гудлафа, первым из всех земных обитателей, и рядом с ним много добрых воинов трупами пали, где ворон кружит, черный, темно-бурый. Свет мечей сиял, будто весь Финнсбург пламенем был объят (28–36).

Приведенные строки содержат упоминание о вороне, традиционное для германской поэзии: в последней части «Беовульфа» предвосхищение конца героического времени символизирует «черный ворон, орлу выхваляющийся обильной трапезой» (3024–2005). Предполагалось, что «цвета ворона здесь не реалистическая деталь, а средство сгустить до предела мрачный колорит всей картины» [Смирницкая 1982: 241][10]. В дошедшем до нас отрывке поэмы цвет ворона противопоставляется сиянию мечей и пламени, объявшему весь Финнсбург.

---

[8] Слово *celæs* — hapax legomenon с неясным значением [Fulk et al. 2008: 289]. Конъектуры: *celced* ‘меловой, белый’, *celed* (< *cele*) ‘холодный, охлажденный’, *cellod* — производное или от кентского *cyllod* < *cyll* ‘кожаная сума или бутыль’ (тогда cellod bord — «щит, покрытый кожей»), или от *ceol* ‘киль корабля’ (тогда hapax можно толковать как «имеющий форму киля корабля», т. е. «крючковатый, изогнутый, выступающий, остроконечный», или «круглый, полый, закругленный»).

[9] Слово *ban-helm* — hapax legomenon с неясным значением; предлагались следующие конъектуры: *barhelm* — шлем, украшенный изображением вепря; *ban-helm* — «защитник костей», т. е. щит, или шлем, украшенный костями [Fulk et al. 2008: 284].

[10] Как пишет О. А. Смирницкая, «символика цвета вообще играет важную роль в германской поэзии, и лишь очень редко цветовые обозначения встречаются в своей прямой, изобразительной функции» [Смирницкая 1982: 241].

Цветовая деталь («белый мед») добавляется к единственному «авторскому» вторжению в «Битве в Финнсбурге», в котором создатель поэмы выражает восхищение отвагой датских дружинников:

> Ne gefrægn ic næfre wurþlicor / æt wera hilde // sixtig sige-beorna / sel gebæran, // ne nefre swanas hwitne medo / sel forgyldan, // ðonne Hnæfe guldan / his hægstealdas.
>
> Я никогда не слышал, чтобы более достойно шестьдесят боевых воинов проявили себя в битве, или соратники заплатили за белый мед лучше, чем заплатили Хнэфу его дружинники (37–40).

Возможно, что это «авторское» вторжение — не более чем формульное восклицание, характерное для героической поэзии, ср. использование той же формулы в «Беовульфе»: no ic gefrægn — «никогда я не слышал» (575b), ne gefrægn ic — «не слыхал я» (1027a) [Parks 1987]. Употребление параллелизмов в сочетании с повторами (næfre… ne nefre… forgyldan… guldan — «никогда… никогда… не платили… заплатили», 37–40) сообщает особую выразительность единственному «авторскому» восклицанию в сохранившемся фрагменте поэмы.

Окончание дошедшего до нас текста «Битвы в Финнсбурге» не вполне понятно. Здесь рассказывается о том, как сражаются воины, продолжая оборонять входы в палаты:

> Hig fuhton fif dagas, / swa hyra nan ne feol // driht-gesiða; / ac hig ða duru heoldon.
>
> Они бились пять дней, и ни один из них не пал, дружинники-соратники, но двери защищали (41–42).

Наконец, один из изувеченных воинов, предположительно фриз, говорит, что его кольчуга разорвана и шлем расколот, и покидает поле битвы:

> Ða gewat him wund hæleð / on wæg gangan; // sæde þæt his byrne / abrocen wære, // here-sceorpum hror, / and eac wæs his helm ðyrl. // Ða hine sona frægn / folces hyrde, // hu ða wigend hyra / wunda genæson, // oððe hwæþer ðæra hyssa...
>
> Тогда герой раненый ушел, в путь отправился; он сказал, что его кольчуга разбилась, боевые доспехи слабы, и шлем его также расколот. Тогда его тотчас спросил защитник мужей, как воины справлялись со своими ранами, и который из юных воинов… (43–48).

Очевидно, в ответ на жалобу дружинника предводитель войска (вероятно, сам Финн) спрашивает его о том, как другие воины переносят свои раны, или, возможно, укоряет его, ставя ему в пример других бойцов, продолжающих отважно биться.

Обычно считается, что в последнем отрывке речь идет о фризах и что «защитником мужей» (folces hyrde) называется сам Финн [Fry 1974: 36]. Однако утверждение, что ни один воинов не пал в течение пяти дней, возможно, относится к данам; тогда их предводителем, вероятно, оказывается сам Хнэф. Кем бы ни был упоминаемый здесь герой, отрывок из «Битвы в Финнсбурге» обрывается на его словах.

Дальнейшие события восстанавливаются на основании Финнсбургского эпизода в «Беовульфе», который начинается, условно говоря, «с конца», т. е. с сообщения об исходе битвы данов и фризов. Певец поет на пиру у Хродгара о гибели «потомков Финна» (Finnes eaferum), т. е. фризов, вместе с которыми погиб и датский конунг Хнэф:

> …ða hie se fær begeat, // hæleð Healf-dena, / Hnæf Scyldinga, // in Freswæle / feallan scolde.
>
> …когда беда на них обрушилась, суждено было пасть герою хальвданов, Хнэфу Скильдингу, во фризском побоище (1068–1070).

Сообщение о гибели Хнэфа мотивирует описание горя королевы Хильдебург, потерявшей в битве не только брата, но и сына:

> Ne huru Hildeburh / herian þorfte // eotena treowe. / Unsynnum wearð // beloren leofum / æt þam hild-plegan // bearnum ond broðrum; / hie on gebyrd hruron // gare wunde. / Þæt wæs geomuru ides.
>
> Не было нужды Хильдебург хвалить честность врагов [или: исполнять обещания врагов, или: чтить верность ютов, или: презирать обещания врагов]. Без вины была лишена любимых, сына и брата, в этой битве мечей; они пали по решению судьбы, раненные копьем. Безутешна была женщина (1071–1075).

Истолкование приведенных строк зависит от понимания ключевых слов — глагола *herian*, который значит не только ‘хвалить; почитать; исполнять’, но и омонимичен антонимичному глаголу *herian* (*herwan*, *hyrwan*, *hirwan* ‘презирать’), и существительного *treow*, имеющего значение не только ‘вера, верность’, но и ‘честность; обещание’. Процитированные строки, возможно, содержат намек на причину битвы: у Хильдебург нет оснований исполнять обещания врагов или хвалить их честность, ведь они убили ее сына и брата. Основываясь на толковании глагола *herian* как варианта глагола *hirwan* ‘презирать’, можно предположить, что строки могут иметь другое значение: Хильдебург не может презирать силу своих врагов и их обещания, так как они причинили ей страшное горе, лишив ее ближайших родных.

Действие Финнсбургского эпизода как будто разворачивается «вспять»: Хильдебург просыпается в разгар битвы и видит, что ее сородичи пали в сражении:

> Nalles holinga / Hoces dohtor // meotod-sceaft bemearn / syþðan morgen com // ða heo under swegle / geseon meahte // morþor-bealo maga.

> Не без причины дочь Хока горевала о приговоре судьбы, когда утро наступило, тогда под небесами она смогла увидеть ужасное убийство сородичей (1076–1079a).

На основании приведенных строк можно заключить, что Хильдебург была не только сестрой Хнэфа и женой Финна, но и дочерью Хока (в «Видсиде» имя ее брата Хнэфа упоминается как имя правителя племени хокингов, которое, возможно, производно от имени Хока: правил «Хнэф хокингами», 29a). Хотя Хильдебург называется в «Беовульфе» с помощью патронима «дочерью Хока», ее имя ни разу не встречается ни в одном другом источнике, включая фрагмент «Битвы в Финнсбурге».

Описание горя Хильдебург сменяется рассказом о ее муже Финне и его неудаче в битве. Противником Финна называется Хенгест, который, как можно предположить, встает во главе датской дружины после гибели Хнэфа и юного сына Хильдебург. Оказывается, что сражение не приносит победы ни одной стороне, несмотря на временный перевес данов. От войска Финна остается лишь несколько воителей, не способных ни положить конец кровавой битве, ни выбить осажденных из палат:

> Þær he ær mæste heold // worold wynne, / wig ealle fornam // Finnes þegnas / nemne feaum anum, // þæt he ne mehte / on þæm meðel-stede // wig Hengeste / wiht gefeohtan, // ne þa wea-lafe / wige forþringan // þeodnes ðegne.
>
> Там, где он [Финн] раньше предавался наибольшей земной радости, битва всех унесла, воинов Финна, кроме немногих единых, так что он не мог совсем закончить схватку с Хенгестом на этом поле боя, горестный остаток силой изгнать, наместника князя (1080b–1085a).

Понимание приведенных строк зависит от толкования глагола *forþringan*, значение которого определяли и как ‘защищать’ [Fry 1974: 64], и как ‘сокрушать’ [Robinson 1970: 102]. Второе толкование кажется предпочтительным, так как глагол *forþringan* образует синтаксический параллелизм с глаголом *gefeohtan* ‘сражаться, биться’. В Финнсбургском эпизоде, очевидно, подразумевается, что вина за кровопролитие лежит на Финне, потому что именно фризы нарушили законы гостеприимства. Предполагалось, что Финн решил не сражаться до конца, так как не захотел доводить данов до крайности, опасаясь, что они подожгут палаты, тогда весь Финнсбург сгорит вместе с ними [Malone 1945: 83–85].

Напавшие на данов фризы не могут одержать победы, поэтому им остается только предложить данам мирный договор:

> Ac hig him geþingo budon: // þæt hie him oðer flet / eal gerymdon, // healle ond heah-setl; / þæt hie healfre geweald // wið eotena bearn / agan moston; // ond æt feoh-gyftum / Folcwaldan sunu // dogra gehwylce / Dene weorþode, // Hengestes heap, / hringum wenede, // efne swa swiðe / sinc-gestreonum // fættan goldes / swa he Fresena cyn // on beor-sele / byldan wolde.

> Так они [фризы] предложили тем [данам] уговор, что те [фризы] для них [данов] другое жилище полностью освободят, палаты и высокую скамью; чтобы они [даны] могли половиной обладать, владеть совместно с сынами врагов [или: великанов, или: ютов]; и при раздаче сокровищ сын Фольквальда [Финн] каждый день данов почитал бы дружину Хенгеста, одаривал бы кольцами, ровно столькими бы драгоценными дарами изукрашенного золота, сколькими он захотел бы поощрить фризский народ в пиршественных палатах (1085b–1094).

Согласно условиям мирного договора, данам отдают половину трапезных палат, право участвовать в дележе сокровищ и обещают воздавать те же почести, что и фризской дружине. Возможно, уступки, на которые идет Финн, заключая мир и обещая выступить по отношению к данам в роли «кольцедарителя», говорят о его готовности выплатить достойное возмещение за убийство Хнэфа, истинного кольцедарителя (beag-gyfa) (1102b).

В Финнсбургский эпизод включены условия мирного договора, заключенного Финном с дружиной Хенгеста. Никто не должен упоминать о прошедшей схватке, т. е. о том, что Хенгест и его сторонники были вынуждены остаться у фризов, убивших их господина:

> Đa hie getruwedon / on twa healfa // fæste frioðu-wære. / Fin Hengeste // elne, unflitme / aðum benemde: þæt he þa wea-lafe // weotena dome // arum heolde; / þæt ðær ænig man // wordum ne worcum / wære ne bræce; // ne þurh inwit-searo / æfre gemænden // ðeah hie hira beag-gyfan / banan folgedon // ðeoden-lease, / þa him swa geþearfod wæs.
>
> Тогда они подтвердили с обеих сторон твердое обещание мира. Финн Хенгесту с непоколебимой решимостью клятву принес, что он [Финн] горестному остатку по решению старейшин будет оказывать честь; что ни один человек там ни словом, ни делом не нарушит договор; и по злонамеренной хитрости никогда не пожалуется, хотя они, лишенные предводителя, последовали за убийцей своего кольцедарителя и были к тому понуждаемы (1099–1103).

Хотя Финн в процитированных строках открыто обвиняется в убийстве Хнэфа (так как называется «убийцей кольцедарителя» — beag-gyfan bana, 1102b), создатель «Беовульфа» не сомневается в искренности его намерений, когда говорит, что тот «с непоколебимой решимостью» (elne unflitme) принес клятвы Хенгесту. Предложенный Финном договор исключает для него возможность мести за гибель сына; напротив, Хенгест, соглашаясь на мир с Финном, проявляет не слабость, но мудрость, и спасает своих людей от бессмысленного истребления [Brodeur 1943: 7].

Согласно заключенному соглашению, фризы не должны напоминать данам о былой вражде, в противном случае распрю следует уладить мечом:

> …gyf þonne Frysna hwylc / frecnen spræce // ðæs morþor-hetes / myndgiend wære, // Þonne hit sweordes ecg / syððan scolde.

> …если же тогда хоть единый из фризов смелой речью напомнит им о кровопролитной вражде, то будет ему после этого острие меча (1104–1106).

Фризы, насколько можно судить по приведенным строкам, не только предлагают данам заключить мир, но и выражают готовность занять по условиям договора подчиненное положение. Если даны лишаются права жаловаться на убийство своего предводителя, то фризы обязуются не разжигать вражду под страхом смертной казни.

После того как мирный договор скрепляется клятвами верности, из сокровищницы доставляют золото Финна, скорее всего предназначенное в возмещение за гибель Хнэфа:

> Að wæs geæfned, and inge-gold // ahæfen of horde.
>
> Погребальный костер приготовили, и исконное золото достали из клада (1107–1108a).

Отдавая данам свои сокровища, Финн подтверждает свою готовность соблюдать условия договора. Складываются погребальные костры, на которые кладут тела Хнэфа и его племянника, сына Финна и Хильдебург:

> Here-Scyldinga // betst beado-rinca / wæs on bæl gearu. // Æt þæm ade wæs // eþ-gesyne swat-fah syrce, / swyn eal-gylden, // eofer iren-heard, / æþeling manig // wundum awyrded; / sume on wæle crungon.
>
> Лучший герой-воитель доблестных Скильдингов был снаряжен для погребального костра. На этом костре была ясно видна окровавленная кольчуга, вепрь весь из золота, кабан с железной головой, многие знатные воины, ранами изувеченные; некоторые погибли в битве (1108b–1113).

Описываемый в Финнсбургском эпизоде погребальный обычай, скорее всего, восходит к языческим временам. Языческой поэмой считается и отрывок из «Битвы в Финнсбурге», в котором излагаются те же события, что и в Финнсбургском эпизоде «Беовульфа»: трудно представить себе, что он был сочинен христианином для христианской аудитории, в нем нет упоминаний о Боге, события излагаются не с христианской точки зрения [Bliss 1982: 3].

В Финнсбургском эпизоде рассказывается о погребальном костре, сложенном для сына Финна и Хильдебург, который, очевидно, был наследником фризского престола и мог быть отдан на воспитание Хнэфу до тех пор, пока не достигнет совершеннолетия [Tolkien 1982: 29][11]. Если Хнэф привез его домой во Фризию к родителям, тогда тот мог находиться среди данов во время сражения. Неудивительно поэтому, что тела Хнэфа и его племянника кладут рядом на погребальном костре:

[11] Предполагалось также, что Хильдебург потеряла в битве не одного сына, а нескольких; эта гипотеза основана на конъектуре рукописной формы *sunu* (ед. ч.) на *suna* (мн. ч.). В качестве аргумента приводилось употребленное в начале Финнсбургского эпизода (1068a) выражение Finnes eaferum — «потомки Финна» [Orchard 2003: 182].

> Het ða Hildeburh / æt Hnæfes ade // hire selfre sunu / sweoloðe befæstan, // ban-fatu bærnan, and on bæl don.
>
> Тогда повелела Хильдебург, чтобы на погребальном костре Хнэфа ее собственный сын был положен в огонь, его труп сожжен, и пламени предан (1114–1116).

Такое предположение заставляет по-новому взглянуть на действия в эпизоде Финна, который оказывается виновным в гибели собственного сына. Если согласиться с этим предположением, то ситуацию, описанную в Финнсбургском фрагменте, можно сопоставить с сюжетом «Песни о Хильдебранде», которая заканчивается битвой отца с сыном.

Как и подобает героине, Хильдебург исполняет погребальный плач по сыну (Earme on eaxle / ides gnornode; // geomrode giddum «Скорбя у его плеча, женщина горевала, оплакивала в песнях», 1117–1118), в то время как пламя пожирает тела убитых:

> Guð-rinc astah; wand to wolcnum / wæl-fyra mæst; // hlynode for hlawe. Hafelan multon, // ben-geato burston / ðonne blod ætspranc, // lað-bite lices. Lig ealle forswealg, // gæsta gifrost, / þara ðe þær guð fornam // bega folces; / wæs hira blæd scacen.
>
> Воителя-героя положили; к облакам возносился огромный костер павших, ревел перед курганом. Головы плавились, разверзались врата ран, кровь тогда хлынула, страшные увечья трупов. Огонь все поглотил, самый жадный гость, тех, кого битва унесла из обоих народов; их мощь миновала (1119–1124).

Описание погребального костра Хнэфа соотносится с изображением сражения фризов и данов при помощи формульного словосочетания guð fornam — «битва унесла» (ср. wig ealle fornam — «битва всех унесла», 1080b). Последствия битвы раскрываются и в описании погребального костра Хнэфа со всей натуралистичностью его деталей, и в изображении действий оставшихся в живых.

После того как тела всех павших преданы огню, воины расходятся по домам. Однако датским дружинникам, лишенным предводителя, некуда идти, и они остаются во Фризии:

> Gewiton him ða wigend / wica neosian // freondum befeallen, / Frysland geseon, // hamas ond heaburh.
>
> Воины тогда отправились искать жилища, лишенные друзей, смотреть на Фризию, дома и высокую крепость (1125–1126a).

Не вполне понятно, что вынуждает Хенгеста и его дружинников задерживаться при дворе Финна. Высказывалось предположение, что они делают это по собственной воле, желая подготовиться к мести за гибель Хнэфа [Fry 1974: 21–22].

Согласившись заключить с Финном мирный договор, Хенгест становится дружинником Финна, однако это решение дается ему тяжело:

> Hengest ða gyt // wæl-fagne winter / wunode mid Finn // eal unhlitme / eard gemunde // þeah þe ne meahte / on mere drifan // hringed-stefnan. / Holm storme weol; // won wið winde. / Winter yþe beleac // is-gebinde.
>
> Хенгест, однако, всю зиму, запятнанную убийством, прожил с Финном очень несчастливо, о земле [родной] помышлял, хотя он не мог по морю повести корабль с изогнутой кормой. Море бурей вздымалось, сражалось с ветром. Зима сковала волны ледяными оковами (1127–1131a).

На основании приведенных строк трудно понять, почему Хенгест был вынужден согласиться на предложенный Финном мир и провести с ним всю зиму. Элегическая топика зимнего пути присутствует и в других англосаксонских поэмах, например, в «Скитальце» (þeah þe he modcearig / geond lagulade / longe sceolde // hreran mid hondum / hrimcealde sæ // wadan wræclastas — «хотя он, печальный духом, по водным путям долго должен грести руками в ледяном море по дорогам изгнания», 2b–5a) или в «Мореплавателе» (hu ic earmcearig / iscealdne sæ winter wunade / wræccan lastum, winemægum bidroren, / bihongen hrimgicelum; / hægl scurum fleag. / þær ic ne gehyrde / butan hlimman sæ, / iscaldne wæg — «как я, несчастный, зиму прожил в ледяном море на дорогах изгнания, лишенный друзей, льдинами осажденный, град летел дождем. Там я не слышал ничего, кроме ревущего моря, волн, как лед, холодных», 14–18). Упоминание о вздымающемся море, сражающемся с ветром, о волнах, окованных льдом, приводит на память язык героических элегий и подсказывает возможность уподобления их героев героям Финнсбургского эпизода. Хенгест в приведенном эпизоде изображается как типичный элегический герой, не склонный к действиям, печально размышляющий о покинутой им родной стране.

Приведенное толкование Финнсбургского эпизода, согласно которому Хенгест не мог уехать из Фризии из-за непогоды, не единственное возможное. В процитированных строках допускались конъектуры, изменяющие пунктуацию фрагмента, исключающие отрицание *ne* [Fry 1974: 21] и основанные на понимании наречия *unhlitme* не как «несчастливо», но как «не случайно»[12]:

> Hamas and heahburh / Hengest ða gyt // wælfagne winter / wunode mid Finne // eal unhlitme / (eard gemunde), // þeah þe he meahte on mere drifan // hringedstefnan.
>
> В домах и высоких бургах Хенгест, однако, жил с Финном во время запятнанной убийством зимы не случайно (о родной земле помышлял), хотя и мог направить по морю судно с изогнутой кормой (1126a–1131a).

[12] Значение наречия *unhlitme* (hapax legomenon) возводили к существительному *hlytm* ‘метание жребия’ [Dobbie 1953: 177], тогда вся строка толковалась как сообщение о том, что Хенгест был вынужден провести зиму у Финна не по жребию, т. е. не случайно, а намеренно [Fry 1974: 22, 77].

Если принять предложенные конъектуры, то можно заключить, что Хенгест остается на зиму с Финном не из-за зимней непогоды, а вопреки ей, и лишь весна заставляет несчастного «изгнанника» (wrecca) стремиться к тому, чтобы покинуть Фризию. Долг мести, однако, повелевает ему задержаться в Финнсбурге: он больше думает о возмездии за убийство (gyrn-wræce), чем о морском путешествии (sæ-lade). Согласившись с приведенным толкованием, можно увидеть в действиях Хенгеста хладнокровный расчет: он остается с Финном на зиму, хотя может уехать на родину, и ждет возможности отомстить за гибель Хнэфа.

Следующие строки в Финнсбурсгком эпизоде не нуждаются в конъектурах; в них говорится о том, что весной, когда становится возможным путешествовать по морю, Хенгест начинает думать о мести:

> oþðæt oþer com // gear in geardas / swa nu gyt deð, // þa ðe syngales / sele bewitiað // wuldor-torhtan weder. / Ða wæs winter scacen, // fæger foldan bearm. / Fundode wrecca, // gist of geardum. / He to gyrn-wræce // swiðor þohte / þonne to sæ-lade, // gif he torn-gemot / þurh-teon mihte, // þæt he eotena bearn / inne gemunde.
>
> Пока следующий год на дворы не пришел, как он и сейчас приходит; так сияющая великолепием погода постоянно ждет своего времени [года]. Тогда зима прошла, прекрасной стала грудь земли. Изгнанник жаждал уехать, гость из жилищ. Он больше помышлял о возмездии за убийство, чем о морском путешествии, о том, удастся ли ему вызвать битву, чтобы помнить о сынах врагов [или: великанов, или: ютов] (1133b–1141).

Применительно к Хенгесту в Финнсбургском эпизоде используется слово «изгнанник» (wrecca), наделенное в элегической и духовной позии коннотациями «горя, несчастья»[13]. В героической поэзии, однако, изгнанниками именуются и победитель дракона Сигемунд (wreccena wide mærost, «изгнанник широкоизвестный» — «Беовульф», 898), и сын шведского правителя Охтхере Эанмунд (wræcca wineleas, «лишенный друзей изгнанник» — «Беовульф», 2613), и легендарные герои Вудья и Хама (wræccan — «Видсид», 129), и Хильдебранд в древневерхненемецкой песни (reccheo — «Песнь о Хильдебранде», 48). Изгнанником (wrecca) в «Битве в Финнсбурге» называется, как уже упоминалось, и Сигеферт из народа сеггов, «переживший много бед», а затем, очевидно, примкнувший к дружинникам Хнэфа. Возможно, обозначение Хенгеста как изгнанника относится и к его нынешнему положению при дворе Финна, для которого он был недавним противником, и к его прошлому статусу в дружине Хнэфа, по отношению к которой он мог быть чужаком, пришельцем. Уместно напомнить, что имя Хенгеста упоминается в «Церковной истории англов» Беды Достопочтенного и в

[13] Wineleas wrecca — «лишенной друзей изгнанницей» называет себя героиня англосаксонской элегии «Жалобы жены»; то же выражение используется применительно к Каину в духовной поэзии (в «Книге Бытия» A, 1051), словосочетание «усталый изгнанник» (werig wrecca) встречается в поэме «Христос» A 264, в «Метрах Боэция» 2, 3 — «печальный изгнанник» (giomor wrecca), в «Загадках» 39. 8–9 — «бездомный изгнанник» (hamleas wrecca).

Англосаксонской хронике как имя одного из предводителей, приведших с континента англов, саксов и ютов[14].

Хенгест возлагает на себя долг мести, когда получает знаменитый меч, известный его врагам:

> Swa he ne forwyrnde / worold-rædenne, // Þonne him Hunlafing, / hildeleoman, // billa selest, / on bearm dyde; // þæs wæron mid eotenum / ecge cuðe.
>
> Так он [Хенгест] не отказался от мирских обязательств, когда Хунлафинг положил ему на грудь[15] светоч битвы, лучший из мечей; его лезвия были известны среди ютов [или: великанов, или: врагов] (1142–1145).

Основные сложности в толковании приведенных строк связаны с определением значения слова Хунлафинг (в рукописи *hun lafing*) и его синтаксической роли в предложении. Если согласиться с теми исследователями, которые считают, что Хунлафинг — это обозначение меча[16] (ср. названия мечей Беовульфа: Хрунтинг, 1490b, 1659b, 1807b, и Нэглинг, 2680b), то следует предположить, что существительное Хунлафинг связано с глаголом *dyde* объектными отношениями («тогда ему Хунлафинг, светоч битвы, лучший из мечей, на грудь положили»). Если же истолковать это слово как патроним, который обозначает лицо, вручившее Хенгесту меч[17], то можно считать, что слово Хунлафинг используется в предложении как подлежащее, а роль сказуемого выполняет глагол *dyde* (т. е. Хунлафинг положил меч на грудь Хенгесту).

Имя Хунлейфа (Hunleifus, древнеангл. Хунлаф — Hunlaf), близкое по фонетической форме к имени Хунлафинг, встречается в латинском пересказе несохранившейся «Саги о Скьёльдунгах» Арнгрима Йоунссона как имя одного из братьев Скьёльдунгов, род которых возводится к сыну Одина Скьёльду [Arngrímur Jónsson 1950: 335–336]. В числе братьев Хунлейфа упоминаются имена Гуннлейфа (Gunnleifus, древнеангл. Гудлаф — Guðlaf) и Оддлейфа (Oddleifus, древнеангл. Ослаф — Oslaf). Предполагалось, что Хунлафинг мог быть сыном Хунлафа, погибшего в числе оборонявших палаты, и племянником Гудлафа и Ослафа, оставшихся в живых и призывавших к мести за погибшего брата (Guðlaf ond Oslaf ‹…› sorge mændon; // ætwiton weana dæl — «Гудлаф и Ослаф ‹…› о беде говорили [на беду жаловались]; упрекали [обвиняли] в горестной

[14] Исследователей героического эпоса можно условно разделить на тех, кто считает, что у Хенгеста существовал прототип в истории [Tolkien 1982: 167; Howe 1989: 145; Niles 1993: 98; Gwara 2008], и тех, кто это отрицает [Vries 1953; Turville-Petre 1953–1957; Mitchell 1988: 338].

[15] «Меч должен быть на груди» (sweord sceal on bearme), говорится в древнеанглийских «Максимах» (25) [Marsden 2004: 296–301].

[16] Толкование имени Хунлафинг как обозначения меча, восходящее к Акселю Ольрику [Olrik 1903: 68], было подробно аргументировано Кемпом Мэлоуном [Malone 1943].

[17] Это толкование восходит к Толкиену, считавшему, что дружинники Хнэфа включали ютов под предводительством Хенгеста и данов, во главе которых после гибели Хнэфа стал Хунлафинг. Хунлафинг вручил Хенгесту меч под названием «светоч битвы» (Hildeleoma), который, возможно, принадлежал Хнэфу [Tolkien 1982: 53–63]. См. также: [Green 1916; Brodeur 1943].

участи», 1149a–1150a) [Orchard 2003: 185–186]. Если согласиться с тем, что Хунлафинг — собственное имя, производное от имени Хунлафа, то можно считать, что меч Хунлафа (метонимически обозначенный как «лезвие» — ecg), павшего в битве, был известен врагам данов — mid eotenum (или ютам, сражавшимся вместе с фризами) (1145a). Нельзя исключать, что именно этот меч Хунлафинг мог отдать Хенгесту, желая напомнить ему о долге мести.

Обыгрывание метонимического обозначения меча как «лезвия» (ecg) в приведенных и в ранее цитированных строках о том, что после заключенного мира ни единый из фризов не должен был «смелой речью» (frecnen spræc) напоминать данам о кровопролитной вражде под страхом смерти («острия меча» — sweordes ecg, 1106), подсказывает еще одно предположение. Отданный Хенгесту меч мог быть знаком врагам данов (фризам или ютам), так как принадлежал ранее их правителю и был у него отнят в сражении. Тогда появление Хенгеста с мечом, печально известным врагам, могло бы воспринято как своего рода провокация[18]. Возможно, меч, который фризы или юты видели в битве, должен был напомнить им о гибели тех, кто был убит этим оружием, и спровоцировать «смелые речи» о битве, нарушающие условия мирного договора. Если бы фризы первыми нарушили мир, Хенгест получил бы возможность исполнить долг мести (worold-rædenne — «мирское обязательство», 1142b), сохранив честь и не преступив клятвы, данной Финну.

Главная трудность, связанная с пониманием приведенных строк, состоит в истолковании существительного *eotena*, которое вслед за Толкиеном обычно считают этнонимом со значением ‘юты’[19]. Юты были западногерманскими племенами, которые в эпоху Великого переселения народов заняли территорию Кента; очевидно, они принимали участие в боевых действиях между данами и фризами и сражались на стороне фризов, а возможно, и данов[20]. Нельзя исключать того, что о «сыновьях ютов» (eotena bearn, 1141) думает Хенгест, замышляя месть; «среди ютов» (mid eotenum, 1145) мог быть известен меч, врученный Хенгесту. Однако морфология не поддерживает толкования существительного как этнонима: употребленное здесь слово *eotenum* (1145) — форма дат. п. мн. ч. от существительного *eoten* ‘великан’ (та же форма от этнонима «юты» была бы *eotum*) [Vickrey 2009: 34–44][21]. Возможно, в приведенных строках обыгрывается фонетическое сходство существительного со значени-

[18] Альтернативная интерпретация этих строк была предложена в [Gwara 2009: 175].

[19] Толкование этого слова см. в [Fulk et al. 2008: 275].

[20] Как считают Ренн [Wrenn 1973. Note to I. 902] и Толкиен [Tolkien 1982: 53–63], хокинги, этнически происходящие от ютов, были известны как хальвданы, поэтому они предполагают, что юты были и среди фризов, и среди данов. Толкиен высказал мнение, что битва в Финнсбурге была спровоцирована внутренним конфликтом ютов, в который оказались вовлеченными Финн и Хенгест. Согласно Толкиену, датский король Хнэф, сын Хока Хальвдана, завоевал часть Ютландии и изгнал прежних ютских правителей, которым Финн дал разрешение селиться во Фризии. Вступив в брак с сестрой Хнэфа Хильдебург, Финн отослал их сына на воспитание к Хнэфу. Спустя годы Хнэф привез сына Финна и Хильдебург к его родителям, однако в числе его дружинников были и юты, и в частности Хенгест. Прибыв во Фризию, юты, сопровождающие Хнэфа, встретились с ютами, жившими при дворе Финна, среди которых находился законный претендент на ютский престол по имени Гарульф. Фризские юты напали на данов и на ютов, сопровождавших Хнэфа.

[21] Предлагалось истолкование слова eoten как «великан», тогда определение меча как «известного среди великанов» понимали как указание на его древность [Kaske 1967].

ем ‘великан’ (*eoten*, ср. древнеисл. *jǫtunn*) и этнонима «юты». Игра слов в этом контексте позволяет подчеркнуть и мощь, и враждебность противников данов.

Словосочетание eotena bearn (1088) — «сыны великанов, т. е. врагов» (или: «сыновья ютов») употреблялось в предшествующих строках в контексте заключенного между Хенгестом и Финном мирного договора: именно с ними даны должны были на равных правах владеть палатами и жилищами (фризы предлагают освободить жилище, палаты и высокую скамью, чтобы даны могли владеть ими совместно с сыновьями врагов — или великанов, или ютов). Толкование «сыновья ютов» допустимо, только если считать, что юты в данном контексте были синонимичны обозначению фризов. Таким образом, и в данном случае морфология подсказывает толкование «великаны» (род. п., мн. ч. *eotena*), позволяющее предположить, что на первый план в этом контексте выступает метафорическое обозначение врагов.

То же самое слово (*eoten*) встречалось ранее (см. выше) в связи с Хильдебург, о которой было высказано загадочное утверждение, вероятно, содержащее литоту, что она не имела нужды хвалить «честность врагов» (eotena treowe, 1071–1072) (или: исполнять обещания врагов, или: чтить верность ютов; или: презирать обещания врагов). Если трактовать значение слова *eoten* как этноним со значением ‘юты’[22], то следует предположить, что нарушенная верность, т. е. честность ютов (eotena treowe), возможно, переметнувшихся из одного лагеря в другой (от данов на сторону фризов), стала причиной горя Хильдебург и привела к убийству ее сына и брата. Измена ютов могла дать численные преимущества фризам и повлекла гибель Хнэфа и сына Хильдебург. Однако применительно к этому контексту возможно и толкование «великаны», метафорически обозначающее врагов и потому относящееся к фризам. Следует помнить, что исполнение песни о битве в Финнсбурге приурочено к пиру после победы Беовульфа над Гренделем, тем самым враждебным «великаном» (eotan, 761), который долгое время причинял беды данам. Эпическое слово могло совмещать целый спектр значений, одновременно воспринимаемых аудиторией, однако в зависимости от контекста одно из этих значений могло превалировать над другим.

Окончание песни о Финнсбургском сражении содержит рассказ о том, как даны нарушают условия мира и убивают Финна и его сторонников:

> Swylce ferhð-frecan / Fin eft begeat // sweord-bealo sliðen / æt his selfes ham, // siþðan grimne gripe, / Guðlaf ond Oslaf // æfter sæ-siðe / sorge mændon; // ætwiton weana dæl. / Ne meahte wæfre mod // forhabban in hreþre. / Ða wæs heal hroden // feonda feorum, / swilce Fin slægen, / cyning on corþre, // ond seo cwen numen. // Sceotend Scyldinga / to scypon feredon // eal in-gesteald / eorðcyninges // swylce hie æt Finnes ham / findan meahton // sigla, searogimma. / Hie on sæ-lade // drihtlice wif / to Denum feredon, // læddon to leodum.

[22] Толкование слова *eoten* как этнонима со значением ‘юты’ принадлежит Толкиену, высказавшему предположение о том, что юты сражались на стороне и данов, и фризов [Tolkien 1982: 53–63].

> Так Финна, отважного в жизни, настигла потом жестокая смерть от меча в его собственном доме после суровой битвы; Гудлаф и Ослаф о беде говорили [на беду жаловались] после морского путешествия, упрекали [обвиняли] в горестной участи. Не могли боевой дух укротить в душе. Тогда были палаты украшены трупами врагов, и Финн тоже был убит, конунг среди войска, и королева была схвачена. Стрелки Скильдингов отправили на корабли все домашнее имущество земного конунга, которое смогли найти в доме Финна, сокровища, сверкающие драгоценности. Они морской дорогой знатную женщину к данам отправили, к людям повезли (1146–1159a).

Основная сложность в истолковании приведенных строк состоит в упоминании о «морском путешествии» (sæ-siðe, 1149a), после которого Гудлаф и Ослаф нарушили условия мирного договора и стали вспоминать о битве, жалуясь на «горестную участь» (weana dæl, 1150a) данов. Не исключено, что часть датских дружинников вместе с Гудлафом и Ослафом отправилась в Данию, а потом вернулась с подкреплением [Lawrence 1915: 415–416]. Возможно также, что морское путешествие относится к первому прибытию данов во Фризию, после которого последовала битва в Финнсбурге [Gwara 2009: 159]. В любом случае не вызывает сомнения то, что даны забирают фризские сокровища и имущество Финна и отправляются в новое «морское путешествие» (sæ-lade, 1157b), увозя с собой королеву, скорее всего, против ее воли.

Последнее появление королевы Хильдебург в Финнсбургском эпизоде знаментально безымянно. Она именуется при помощи существительного *seo cwen* ‘королева’, которое употребляется в объектной функции с глаголом *niman* ‘брать’ (seo cwen numen, 1153b). Известно, что глагол *niman* обычно используется с дополнениями, обозначающими неодушевленные предметы [Orchard 2003: 179]. В атрибутивном комплексе *drihtlice wif* ‘знатная женщина’ (1158a) (о «знатной женщине» говорится, что ее «отправили к данам» — to Denum feredon, 1158b), имени Хильдебург тоже не упоминается. Следует напомнить, что в предшествующих строках тот же глагол *ferian* использовался применительно к домашнему имуществу Финна (eal in-gestealdе, 1155a), которое «отправили на корабль» (to scypon feredon, 1154b). Синтаксический параллелизм конструкций (drihtlice wif / to Denum feredon — «знатную женщину к данам отправили» (1158b) и to scypon feredon // eal in-gestealdе — «отправили на корабли все домашнее имущество», 1154b) помогает подчеркнуть полную утрату королевой ее социального статуса после гибели родных — приравненная к домашнему имуществу, она становится не более чем военной добычей.

В Финнсбургском эпизоде «Беовульфа» Хильдебург изображается как жертва трагических обстоятельств [Albano 1994; Camargo 1981]. Знаменательно, что песнь певца о сражении в Финнсбурге начинается не с повествования о битве, не с рассказа о гибели Хнэфа, но с описания горя Хилдебург, скорбящей о гибели брата и сына, павших среди многих данов — народа, с которым она связана по рождению. Она присутствует в качестве действующего лица на всем протяжении Финнсбургского эпизода: горюет о гибели фризов, среди которых живет после заключения брака; отдает приказания положить на погребальный костер брата тело своего сына, о котором не упоминается в сохранившемся отрывке «Битвы в Финнсбурге»; вскоре после похорон лишается и

мужа, и его страны, и даже своего имени. Ее участие в событиях, описываемых в Финнсбургском эпизоде «Беовульфа», делает ее отсутствие в отрывке «Битвы в Финнсбурге», в котором ее имени не упоминается вовсе, еще более заметным.

Различается в обоих памятниках и роль Хенгеста, чье имя встречается в отрывке «Битвы в Финнсбурге» всего один раз (and Hengest sylf / hwearf him on laste — «и Хенгест сам повернул вслед за ними», 17). В Финнсбургском эпизоде, напротив, Хенгест оказывается ключевым персонажем, исполняющим после гибели Хнэфа функции предводителя дружины. На него возложена миссия заключения мирного договора с Финном, который он нарушает ради мести за гибель Хнэфа. Возможно, именно Хенгест убивает Финна в его же собственных палатах и увозит на родину Хильдебург.

Следует заключить, что помимо нескольких общих персонажей (возможно, что упоминаемые в «Битве в Финнсбурге» Гутлаф и Ордлаф — это Ослаф и Гутлаф, о которых говорится и в «Беовульфе», 1148) и главной темы между дошедшим до нас отрывком поэмы и Финнсбургским эпизодом в «Беовульфе» не так много сходства, как принято считать. Речь в них идет о разных этапах одного события. Если сохранившийся отрывок сосредоточен на описании самой битвы, то эпизод «Беовульфа» открывается утром, после того как схватка между фризами и данами уже закончилась (Хильдебург оплакивает павших, «когда наступило утро» — syþðan morgen com, 1077), и повествует о событиях, последовавших за Финнсбургским сражением. Отрывок «Битвы в Финнсбурге», следовательно, описывает события, предшествующие по времени тому, о чем рассказывается в «Беовульфе». Нельзя исключать вместе с тем, что поэма, из которой до нас дошел лишь отрывок, могла первоначально изображать те же события, что и эпизод в «Беовульфе».

В отличие от эпизода в «Беовульфе», в отрывке «Битвы в Финнсбурге» действие продвигается благодаря речам персонажей, составляющим почти половину сохранившегося текста. Три диалога включают прямую речь — таковы вопрос, открывающий отрывок (1), ответ Хнэфа (3–12) и речь Сигеферта (24–27). Два диалога переданы косвенной речью: в первом осторожный Гудере пытается умерить юношеский пыл Гарульфа (18–23), во втором воин, возможно, фризский, говорит, что его оружие пришло в негодность, а его вождь приводит ему в пример других героев (46–48). Использование речей сообщает всему отрывку драматизм и напряженность.

Существенно, что прямая речь всегда принадлежит в «Битве в Финнсбурге» данам, диалоги же фризов переданы косвенной речью. Это можно объяснить тем, что события здесь, как и в «Беовульфе», излагаются не объективно, но с точки зрения данов. Во фрагменте «Битвы в Финнсбурге» воспевается отвага и верность датских дружинников Хнэфа, в Финнсбургском эпизоде «Беовульфа» с состраданием рассказывается о горе сестры Хнэфа Хильдебург и с явным сочувствием — о желании Хенгеста отомстить за гибель Хнэфа. О фризском правителе Финне в обоих текстах говорится очень мало, даже на похоронах погибших распоряжается не он, но его жена Хильдебург (Het ða Hildeburh / æt Hnæfes ade // hire selfre sunu / sweoloðe befæstan — «Повелела Хильдебург, чтобы ее собственный сын был предан огню на погребальном костре Хнэфа», 1114–1115). По-

следнее же сражение с фризами, в котором «Финн был убит, конунг среди войска» (swilce Fin slægen / cyning on corþre, 1146b–1147a), знаменует окончательную победу данов.

Остается непонятным, почему в англосаксонской версии сказания события излагаются с датской точки зрения. Согласно одной из гипотез, Хенгест, названный в поэме предводителем войска Хнэфа, идентифицируется с Хенгестом, братом Хорсы, приведшим племена ютов в Британию [Tolkien 1982: 167]. Не исключено, что англосаксонский вариант воплощает разные стадии раннего сказания, отражающие изменения в положении ютских племен. Заселение ютскими племенами Ютландии могло способствовать их объединению с данами, напротив, бытование ютов вблизи фризов может объяснить особую близость в отношениях между этими племенами. Возможно также, что датская точка зрения в изложении событий объясняется тесными контактами англосаксов и скандинавов в эпоху викингов, и особенно в период образования Области Датского права.

Неизвестно, какое историческое событие могло послужить прообразом для битвы в Финнсбурге. Предполагается, что сказание о Финне имеет континентальное происхождение и сложилось в эпоху, когда англские племена жили рядом с фризами у Северного моря. Возможно, оно возникло среди ингвеонских племен, населявших берега Северного моря, и было принесено фризами в Верхнюю Германию и на Британские острова.

Датировка поэмы до сих пор представляет собой загадку (предлагаемые даты охватывают почти четыре столетия от 650 до 1000 г.). Метрические особенности, и в частности нерегулярность расположения аллитерации (22, 28, 39, 41, 46), позволяют предположить такую же позднюю дату создания, как и для «Битвы при Мэлдоне». Однако нарушение канона в расстановке аллитерации допускается и в наиболее ранних древнегерманских поэмах. Своеобразие орфографии может объясняться ошибками поздних переписчиков поэмы. В то же время особенности повествования и сходство с «Песнью о Хильдебранде» могут рассматриваться как аргументы в пользу более ранней датировки (VIII в.).

На время создания поэмы не проливают свет и встречающиеся в ней этнонимы и собственные имена. Некоторые из имен в «Битве в Финнсбурге» упоминаются и в других источниках: например, имя Финна употребляется в кеннинге кольчуги в «Языке поэзии», третьей части «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона (кольчуга называется Finns-leif — «наследие Финна»); имена Финна Фольквальдинга, правителя фризов (Finn Folcwalding / Fresna cynne, 27), Хнэфа, правителя хокингов (Hnæf Hocingum, 29a), Сигеферта (Сэферта), правителя сюггов (Sæferð Sycgum, 31a), встречаются в древнейшем памятнике англосаксонской словесности — «Видсиде», сложившемся предположительно не позднее VII в. На основании текста «Видсида» делались попытки судить об упоминаемых там эпических сюжетах, в частности о времени их бытования. Однако в перечнях имен, занимающих значительную часть поэмы «Видсид», упоминаются герои, исторические прототипы которых жили в разное время (между III и VI вв.). Перечни имен, «дошедшие из глубокого и чтимого древними прошлого, могли сохранять свою значимость для слушателей и тогда, когда уже никто не помнил самих связанных с ними преданий» [Смирницкая 1982: 252].

Язык отрывка также не позволяет судить о времени его создания. Поэма записана на позднем уэссекском диалекте[23] с небольшим вкраплением англских (например, *wæg*, 43a, вместо уэссекского *weg*; *mænig*, 13a вместо уэссекского *monig*), нортумбрийсих (*hwearflicra*, 34a, вместо уэссекского *hweorflicra*; *sword*, 15b, вместо уэссекского *sweord*) и кентских форм (*scefte*, 7a, вместо уэссекского *sceafte*; *cweþ*, 24a, вместо уэссекского *cwæþ*; *nefre*, 39a, наряду с которым присутствует уэссекская форма *næfre*, 37a). Возможно, наличие разных диалектных форм отражает последовательные стадии переписывания текста или особенности уэссекского диалекта, в котором могло присутствовать диалектное смешение. Местом создания поэмы обычно считается или Нортумбрия, или Восточная Англия, в которых расцвет культуры приходится на VIII в. Именно этот период чаще всего предлагается как наиболее вероятное время создания дошедшего до нас текста [Fry 1974: 5; Klaeber 1950: lxxi–cxxiv].

«Битва в Финнсбурге» обычно относится к эталонным древнегерманским и наиболее героическим из всех англосаксонских поэм. Воссоздаваемые в ней ситуации, персонажи и их побуждения характерны для героического эпоса. Здесь идет речь о взаимной верности вождя и дружинников, о распре между теми, кто объединен и кровным родством, и брачными связями, о противоречии между долгом мести и обетами верности, о рвущихся в бой юнцах, не желающих слушать мудрых советов опытных воинов. Главная тема поэмы — это сама битва с ее звоном мечей и воронами, чующими добычу, с отчаянной обороной осажденных до трагического конца.

В «Битве в Финнсбурге» действие стремительно развивается от эпизода к эпизоду, каждый из которых обычно отмечается при помощи наречия «тогда». Лишь один раз в ней встречается восклицание эпического певца (скопа), выражающее восхищение мужеством данов («Я никогда не слышал, чтобы более достойно шестьдесят боевых воинов проявили себя в битве людей или заплатили за белый мед лучше, чем заплатили Хнэфу его дружинники», 37–39) и включающее традиционную формулу ne gefrægn ic — «я не слышал». Других авторских ремарок в «Битве в Финнсбурге» не встречается.

И в отрывке поэмы, и в Финнсбургском эпизоде в «Беовульфе» использована традиционная для героического эпоса поэтическая лексика. В эпизоде значительно больше существительных (38,6%, во фрагменте их 29,1%) [Fry 1974: 27]. В обоих текстах употребляется необычно большое число окказионализмов (hapax legomena): в эпизоде — 13, во фрагменте — 17; значение многих из них до сих пор неясно. Число глагольных форм в обоих текстах примерно одинаково (19,9% — в отрывке и 20% — в эпизоде, из которых личных форм глагола 16,9% и 16,5%), однако отрывок (48 строк) примерно вдвое короче эпизода (1068–1160). Глаголы в отрывке сосредоточены в начале (примерно 16 личных глагольных форм приходятся на 10 строк). Глагольные формы в нем тщательно сгруппированы: фокус повествования перемещается от того, что доступно глазу наблюдателя (dagað — «светается», fleogeð — «летит», byrnað — «горят», 3–4), к тому, что доступно его слуху (singað — «кри-

[23] К уэссекским диалектным формам относятся *scyneð* (7b), *wylle* (27b) (в которых встречается позднее написание «y» вместо более раннего «i», как, например, в *willað* (9b), *buruh-ðelu* (30b, *Finnsburuh* (36b) (с вставным «u»).

чат», gylleð — «звенит», hlynneð — «гремит», oncwyð — «отвечает», 5–7). Упоминания о шуме и грохоте сражения «подхватываются» в описании битвы (wæl-slihta gehlyn — «битвы гром», 28b, buruh-ðelu dynede — «древо крепости звенело», 30b). «Объективные» наблюдения за тем, что происходит вне палат (mona scyneð — «луна сияет», wea-dæda arisað — «злые дела готовятся», folces nið fremman willað — «людская ненависть жаждет совершить», 3–9), сменяется субъективной реакцией говорящего, обращающегося с призывами к тем, кто его окружает (onwacnigeað — «просыпайтесь», habbað — «берите», hicgeaþ — «помышляйте», winnað — «сражайтесь», wesað onmode — «будьте смелы духом», 10–13). Краткие асиндетические конструкции в полустишиях, связанных параллелизмом (5, 6, 11, 12), следуют друг за другом как краткие выкрики во время битвы.

По сравнению с остальной англосаксонской поэзией в отрывке «Битвы в Финнсбурге» реже применяются синтаксические переносы (всего пять примеров), границы строк обычно совпадают с границами предложений или словосочетаний (за исключением строк 7, 19, 31, 34, 37). Предложения значительно короче, чем в Финнсбургском эпизоде в «Беовульфе», не говоря уже об остальной поэме. В начале строк часто (13, 14, 18, 28, 43, 46) употребляется наречие «тогда» (*ðа*), очевидно, для того, чтобы показать внезапность смены действия. Подобным образом это наречие применяется только в древневерхненемецкой «Песни о Хильдебранде» (ср. вступительное наречие *dô* в строках 33, 63, 65), наиболее близкой к отрывку по метрике и стилистике. Для обеих песней характерна сжатость стиля при крайней экономности языковых средств, резкость тона, редкость синтаксических переносов. От «Песни о Хильдебранде» сохранилось всего 70 строк, возможно, не более половины ее первоначального текста, «Битва в Финнсбурге» могла включать более 200 строк, рассказывающих о распре между фризами и данами от прибытия Хнэфа ко двору Финна до его гибели. Возможно, обе поэмы представляют собой единственно сохранившиеся образцы наиболее древней повествовательной формы — краткой героической песни, восходящей к общегерманскому периоду и предназначенной для устного исполнения (именно так описывается в «Беовульфе» исполнение скопом песни о Финнсбургской битве).

Даже по отрывку «Битвы в Финнсбурге» можно понять, что это отдельное независимое произведение. Напротив, Финнсбургский эпизод в «Беовульфе» при всей его выделимости связан с главным повествованием. Вопрос о том, на каких основаниях Финнсбургский эпизод включен в «Беовульф», какую роль он играет в поэме и в каком виде был известен в период ее создания, издавна занимал исследователей. Весь рассказ о гибели Хнэфа и мести за нее Хенгеста сконцентрирован здесь в пиршественной песни скопа на пиру, исполняемой для развлечения гостей во время застолья после победы Беовульфа над Гренделем. С одной стороны, песнь скопа на пиру, возможно, принадлежала к числу традиционных эпических сцен (ср. песнь слепого аэда Демодока о споре Одиссея с Ахиллом, о деревянном коне, об Аресе и Афродите на пиру у царя феаков Алкиноя), таких как прибытие героя на берег, морское путешествие и т. д. С другой стороны, можно найти сходство между ситуациями, обрисованными во фрагменте и во всей поэме — ночное сражение между двумя враждебными силами, из которых одна прячется в палатах, а другая — нападает извне.

В отличие от сохранившегося отрывка «Битвы в Финнсбурге» Финнсбургский эпизод содержит краткий, насыщенный аллюзиями рассказ об исходе битвы, опуская описание самого сражения. Весь спектр персонажей редуцирован до двух наиболее выдающихся героев — Хильдебург и Хенгеста. Об их бедах и горестях говорится с очевидным сочувствием, раскрывается трагизм их положения, их горе обобщается в гномической перспективе. Создатель «Беовульфа», очевидно, предполагает, что аудитории было понятно трагическое положение и Хильдебург (связанной узами родства с Хнэфом и узами брака с Финном), и Хенгеста, который, с одной стороны, был обязан соблюдать договор с Финном, а с другой — следовать правилам героического поведения и отомстить за гибель своего господина. События прошлого излагаются здесь подчеркнуто отстраненно в третьем лице, речи персонажей отсутствуют, появляются суммирующие, объяснительные, описательные предложения (1113, 1124, 1150, 1075), литоты (1071). Попадая в контекст книжного эпоса, краткая героическая песнь с ее динамизмом, драматичностью повествования изменяет тональность, становится более отстраненной, ретроспективной, литературной.

Литература

Смирницкая 1982 — *Смирницкая О. А.* Примечания // Древнеанглийская поэзия / Изд. подгот. О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982 (Лит. памятники). С. 239–242.

Снорри Стурлусон 1980 — *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980 (Лит. памятники).

Albano 1994 — *Albano R. A.* The role of women in Anglo-Saxon culture: Hildeburh in Beowulf and a curious counterpart in the Volsunga Saga // English Language Notes. No. 32. 1994. P. 1–10.

Arngrímur Jónsson 1950 — *Arngrímur Jónsson.* Rerum Danicarum Fragmenta // Arngrimi Jonae opera latine conscripta / Ed. by J. Benediktsson. Copenhagen: Munksgaard, 1950 (Bibliotheca Arnamagnaeana: Vol. 9). P. 335–336.

Bliss 1982 — *Bliss A*. Editor's introduction // Tolkien J. R. R. Finn and Hengest: The Fragment and the Episode / Ed. A. Bliss. London: Allen & Unwin, 1982. P. 2–4.

Brodeur 1943 — *Brodeur A. G.* Design and motive in the Finn Episode // University of California Papers in English. Vol. 14. 1943. P. 1–42.

Camargo 1981 — *Camargo M.* The Finn Episode and the tragedy of revenge in Beowulf // Studies in Philology. Vol. 78. 1981. P. 120–134.

Dobbie 1953 — *Dobbie E. V. K.* Beowulf and Judith // Anglo-Saxon poetic records. Vol. 4. New York: Columbia Univ. Press, 1953. P. 34–36.

Fry 1974 — *Fry D.* Finnsburg Fragment and Episode. London: Methuen, 1974.

Green 1916 — *Green A.* The opening of the Episode of Finn in Beowulf // PMLA. Vol. 31. No. 4. 1916. P. 759–797.

Gwara 2008 — *Gwara S.* The foreign Beowulf and the "Fight at Finnsburg" // Traditio. Vol. 63. 2008. P. 185–233.

Gwara 2009 — *Gwara S.* Heroic identity in the world of Beowulf. Leiden; Boston: Brill, 2009.

Henry 1961 — *Henry P. L.* Beowulf cruces // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 77. 1961. S. 140–159.

Henry 1966 — *Henry P. L.* The Early English and Celtic lyric. London: Allen & Unwin, 1966.

Hickes 1705 — *Hickes G.* Linguarum Veterum Septemtrionalium Thesaurus grammatico-criticus et archaeologicus. Oxford: Sheldonian Theatre, 1705. Vol. 1. P. 192–193.

Holthausen 1938 — *Holthausen F.* Beowulf, nebst den kleineren Denkmälern der Heldensage. Mit Einleitung, Glossar und Anmerkungen. 7 verbesserte Auflage. Bd. 1–2. Heidelberg: Carl Winter, 1938.

Howe 1989 — *Howe N.* Migration and mythmaking in Anglo-Saxon England. New Haven: Yale Univ. Press, 1989.

Kaske 1967 — *Kaske R. F.* The eotenas in Beowulf // Old English poetry: Fifteen essays / Ed. by R. Creed. Providence: Brown Univ. Press, 1967. P. 285–310.

Klaeber 1950 — Beowulf and the Fight at Finnsburg / Ed. by F. Klaeber. 3rd ed. Boston: D. C. Heath, 1950.

Klaeber's Beowulf 2008 — Klaeber's Beowulf and The Fight at Finnsburg / Ed. by R. D. Fulk, R. E. Bjork, J. D. Niles. Toronto: Univ. of Toronto Press, 2008.

Lawrence 1915 — *Lawrence W. W.* Beowulf and the tragedy of Finnsburg // PMLA. Vol. 30. 1915. P. 415–416.

Mackie 1917 — *Mackie W. S.* The Fight at Finnsburg // Journal of English and Germanic Philology. Vol. 16. No. 2. 1917. P. 250–273.

Malone 1943 — *Malone K.* Hildeburg and Hengest // Journal of English Literary History. Vol. 10. 1943. P. 257–284.

Malone 1945 — *Malone K.* Finn's stronghold // Modern Philology. Vol. 43. No. 1. 1945. P. 83–85.

Marsden 2004 — The Cambridge Old English reader / Ed. by R. Marsden. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.

Mitchell 1988 — On Old English: Selected papers. Oxford: Oxford Univ. Press, 1988.

Moore 1976 — *Moore B.* The relevance of the Finnsburg Episode // Journal of English and Germanic Philology. Vol. 75. No. 3. 1976. P. 317–329.

Niles 1993 — *Niles J. D.* Locating Beowulf in literary history // Exemplaria. Vol. 5. 1993. P. 79–109.

Olrik 1903 — *Olrik A.* Danmarks Heltedigtning: en oldtidsstudie. Bd. 1: Rolf Krake og den ældre Skjoldungrackke. København: Gad, 1903.

Orchard 2003 — *Orchard A.* A critical companion to Beowulf. Cambridge: D. S. Brewer, 2003.

Parks 1987 — *Parks W.* 'I heard' formulas in Old English poetry // Anglo-Saxon England. Vol. 16. 1987. P. 45–66.

Robinson 1970 — *Robinson F. C.* Lexicography and literary criticism: A caveat // Philological essays: Studies in Old and Middle English language and literature in honour of Herbert Dean Meritt / Ed. by J. Rosier. The Hague: Mouton, 1970. P. 99–110.

Rowland 1990 — *Rowland J.* Old English ealuscerwen / meoduscerwen and the concept of paying for mead // Leeds Studies in English and Kindred Languages. Vol. 21. 1990. P. 1–12.

Sims-Williams 1978 — *Sims-Williams P.* Is it fog or smoke or warriors fighting?: Irish and Welsh parallels to the Finnsburg fragment // Bulletin of the Board of Celtic Studies. Vol. 27. 1978. P. 505–514.

Tolkien 1982 — *Tolkien J. R. R.* Finn and Hengest: The Fragment and the Episode / Ed. A. Bliss. London: Allen & Unwin, 1982.

Turville-Petre 1953–1957 — *Turville-Petre J. E.* Hengest and Horsa / Saga-Book of the Viking Society. Vol. 14. 1953–1957. P. 273–290.

Vickrey 2009 — *Vickrey J. F.* Beowulf and the illusion of history. Newark: Univ. of Delaware Press, 2009.

Vries 1953 — *Vries Jan de.* Die Beiden Hengeste // Zeitschrift für deutsche Philologie. Bd. 72. 1953. S. 125–143.

Williams 1924 — *Williams R. A.* The Finn Episode in Beowulf: An essay in interpretation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1924.

Wrenn 1973 — Beowulf with the Finnesburg Fragment / Ed. by C. L. Wrenn. 3rd ed., rev. by W. F. Bolton. London: St. Martin's Press, 1973.

The Finnsburg Fragment and the Lay of Hrothgar's scop in *Beowulf*

Matyushina, Inna G.
Doctor of Philology
Leading Researcher,
Institute for Advanced Studies in the Humanities,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya sq., 6
Tel.: +7 (495) 438-28-54
E-mail: I.Matyushina@exeter.ac.uk

Abstract. The article offers a new reconstruction of the plot of the lost lay of the Battle of Finnsburg, based on a comparative analysis of the poetic language of the surviving fragment of 48 lines and an episode in *Beowulf* (lines 1068–1158). Regarding the epic word as simultaneously combining a whole spectrum of meanings simultaneously perceived by the audience enables the author to suggest a new interpretation of the poetic vocabulary and phraseology, traditionally causing dispute among scholars.

The fragment of the poem called by the editors the 'Battle of Finnsburg' presents the only extant sample of the most archaic narrative form — the short heroic lay, going back to a Common Germanic past and composed for oral performance. It is an oral performance which is described in *Beowulf* in the episode of a scope singing the lay of the Battle of Finnsburg at a feast celebrating the hero's victory over Grendel. Apart from the main theme and a few shared characters the two texts have less in common than is usually admitted. In contrast to that episode, the action in the Fragment is developed through speeches, comprising almost half of the extant text. Whereas the fragment is centred on the description of the battle, the episode contains an allusive summary of its consequences. The spectrum of characters is reduced in the episode to two main figures (Hildeburh and Hengest). The episode is related in the 3rd person as if by an 'objective' narrator; speeches are absent; summarising, descriptive, explanatory lines are introduced. In the context of literary epic an oral heroic lay becomes detached, retrospective and literary.

Keywords: *Beowulf*, Finnsburg, epic poetry, heroic poetry, literary epic, oral tradition, oral performance

References

Albano, R. A. (1994). The role of women in Anglo-Saxon culture: Hildeburh in Beowulf and a curious counterpart in the Volsunga Saga. *English Language Notes, 32*, 1–10.

Arngrímur Jónsson. (1950). *Rerum Danicarum Fragmenta*. In J. Benediktsson (Ed.). Arngrimi Jonae opera latine conscripta. Copenhagen: Munksgaard (Bibliotheca Arnamagnaeana, Vol. 9). P. 335–336. (In Latin).

Bliss, A. (1982). Editor's introduction. In J. R. R. Tolkien. *Finn and Hengest: The Fragment and the Episode.* A. Bliss (Ed.), 2–4. London: Allen & Unwin.

Brodeur, A. G. (1943). Design and motive in the Finn Episode. *University of California Papers in English, 14*, 1–42.

Camargo, M. (1981). The Finn Episode and the tragedy of revenge in Beowulf. *Studies in Philology, 78*, 120–134.

Dobbie, E. V. K. (1953). Beowulf and Judith. In *Anglo-Saxon poetic records* (Vol. 4), P. 34–36. New York: Columbia Univ. Press.

Fry, D. (1974). *Finnsburg Fragment and Episode.* London: Methuen.

Fulk, R. D., Bjork, R. E., Niles, J. D. (Eds.). (2008). *Klaeber's Beowulf and The Fight at Finnsburg*. Toronto: Univ. of Toronto Press.

Green, A. (1916). The opening of the Episode of Finn in Beowulf. *PMLA, 31*(4), 759–797.

Gurevich, A. Ia., Kuz'menko, Iu. K., Smirnitskaia, O. A., Steblin-Kamenskii, M. I. (Eds.) (1980). *Snorri Sturluson. Krug Zemnoi* [Snorri Sturluson. Heimskringla]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Gwara, S. (2008). The foreign Beowulf and the "Fight at Finnsburg". *Traditio, 63*, 185–233.

Gwara, S. (2009). *Heroic identity in the world of Beowulf*. Leiden; Boston: Brill.

Henry, P. L. (1961). Beowulf cruces. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 77*, 140–159.

Henry, P. L. (1966). *The Early English and Celtic lyric.* London: Allen & Unwin.

Hickes, G. (1705). *Antiqua literatura septentrionalis libri duo: Linguarum Veterum Septentrionalium Thesauri Grammatico-Critici et Archaeologici* (Vol. 1), 192–193. Oxford: Sheldonian Theatre. (In Old English).

Holthausen, F. (1938). *Beowulf, nebst den kleineren Denkmälern der Heldensage*. Mit Einleitung, Glossar und Anmerkungen. 7 verbesserte Auflage (Vol. 1–2). Heidelberg: Carl Winter. (In German).

Howe, N. (1989). *Migration and mythmaking in Anglo-Saxon England.* New Haven: Yale Univ. Press.

Kaske, R. F. (1967). The eotenas in Beowulf. In R. Creed (Ed.). *Old English poetry: Fifteen essays*, 285–310. Providence: Brown Univ. Press.

Klaeber, F. (Ed.) (1950). *Beowulf and the Fight at Finnsburg* (3rd ed). Boston: D. C. Heath.

Lawrence, W. W. (1915). Beowulf and the tragedy of Finnsburg. *PMLA, 30*, 415–416.

Mackie, W. S. (1917). The Fight at Finnsburg. *Journal of English and Germanic Philology, 16*(2), 250–273.

Malone, K. (1943). Hildeburg and Hengest. *Journal of English Literary History, 10*, 257–284.

Malone, K. (1945). Finn's stronghold. *Modern Philology, 43*(1), 83–85.

Marsden, R. (Ed.). (2004). *The Cambridge Old English reader*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Mitchell, B. (1988). *On Old English: Selected papers*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Moore, B. (1976). The relevance of the Finnsburg Episode. *Journal of English and Germanic Philology, 75*(3), 317–329.

Niles, J. D. (1993). Locating Beowulf in literary history. *Exemplaria, 5*, 79–109.

Olrik, A. (1903). *Danmarks Heltedigtning: en oldtidsstudie* (Vol. 1: Rolf Krake og den ældre Skjoldungrackke). København: Gad. (In Danish).

Orchard, A. (2003). *A critical companion to Beowulf.* Cambridge: D. S. Brewer.

Parks, W. (1987). 'I heard' formulas in Old English poetry. *Anglo-Saxon England, 16*, 45–66.

Robinson, F. C. (1970). Lexicography and literary criticism: A caveat. In J. Rosier (Ed.). *Philological essays: Studies in Old and Middle English language and literature in honour of Herbert Dean Meritt*, 99–110. The Hague: Mouton.

Rowland, J. (1990). Old English ealuscerwen / meoduscerwen and the concept of paying for mead. *Leeds Studies in English and Kindred Languages, 21*, 1–12.

Sims-Williams, P. (1978). Is it fog or smoke or warriors fighting?: Irish and Welsh parallels to the Finnsburg fragment. *Bulletin of the Board of Celtic Studies, 27*, 505–514.

Smirnitskaia, O. A. (1982). Primechaniia [Notes]. O. A. Smirnitskaia, V. G. Tikhomirov (Eds.). *Drevneangliiskaia poeziia* [Old English poetry], 239–242. Moscow: Nauka. (In Russain).

Tolkien, J. R. R. (1982). *Finn and Hengest: The Fragment and the Episode.* A. Bliss (Ed.). London; Boston: Allen & Unwin.

Turville-Petre, J. E. (1953–1957). Hengest and Horsa. *Saga-Book of the Viking Society, 14*, 273–290.

Vickrey, J. F. (2009). *Beowulf and the illusion of history.* Newark: Univ. of Delaware Press.

Vries, Jan de (1953). Die Beiden Hengeste. *Zeitschrift für deutsche Philologie, 72*, 125–143. (In German).

Williams, R. A. (1924). *The Finn Episode in Beowulf: An essay in interpretation.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Wrenn, C. L. (Ed.), Bolton, W. F. (Rev.). (1973). *Beowulf with the Finnesburg Fragment*. New York: St. Martin's Press.

To cite this article:

Matyushina, I. G. (2018). "Bitva v Finnsburge" i pesn' skopa na piru v "Beovul'fe" [The Finnsburg Fragment and the Lay of Hrothgar's scop in *Beowulf*]. *Shagi / Steps, 4*(2), 92–119. (In Russian).

Received November 13, 2017